

Они разговаривали с перерывами, устав — останавливались, перекусывали, делали несколько глотков вина. Так продолжалось до восьми вечера, когда Лю И, взглянув на время, наконец спохватился:

— Тебе пора домой? Не страшно оставлять сестру одну?

Ци Шаньюй покачал головой:

— Она учится в школе-интернате, сейчас в выпускном классе. По пятницам у них вечерние самоподготовки, домой возвращается только на выходные.

— Значит, сегодня вечером у тебя больше никаких дел?

Лю И наклонился вперёд, приблизившись, и загадочно подмигнул.

Ци Шаньюй честно кивнул.

Он как раз специально освободил этот вечер, чтобы как следует угостить Лю И, и, если только не случится чего-то экстренного, что потребует его немедленного присутствия на месте преступления, других планов у него и правда не было.

— Тогда останься со мной ещё немного...

Слова Лю И звучали крайне двусмысленно, да ещё и с подмигиванием в конце, отчего взгляд Ци Шаньюя невольно стал настороженным, а в голове моментально всплыло: «приглашение на ночь».

Однако Лю И вовсе не это имел в виду.

— О чём это ты?

Он ответил презрительным взглядом.

— Просто хочу купить подарок для друга. Как раз внизу торговый центр, прогуляемся, поможем поварению, заодно и купим.

Лю И вдруг осознал: раз даже такой непрактичный человек, как офицер Ци, додумался пригласить его на ужин, то и ему пора поскорее вернуть долг начальнику отдела вещественных доказательств.

Начальником отдела вещественных доказательств был Ли Цзинь, мужчина на несколько лет старше, довольно известный специалист в области судебной медицины.

Высокий, с правильными чертами лица — хоть и несравнимый с выдающейся, «небожительской» красотой Ци Шаньюя, но всё же более чем привлекательный на фоне большинства мужчин.

Как главный «алмазный холостяк» института, Ли Цзинь, хоть и был ветреным и легкомысленным, менял подруг так часто, что и не сосчитать, но зато имел принципы: всегда обоюдное согласие, никогда не связывался со студентками и подчинёнными, не ходил на две стороны одновременно, и даже после расставаний сохранял хорошие отношения, никогда не создавая неразрешимых проблем.

Поэтому до прихода Лю И он и считался главным красавцем института, а также вершиной как

профессионального, так и «постельного» мастерства.

Однако эта уверенность и гордость были раздавлены Лю И, который был моложе, красивее, лучше одевался, имел более высокое образование и должность, да ещё и больше научных работ и проектов. Кроме роста, где Ли Цзинь выигрывал какие-то жалкие три сантиметра, и «постельного мастерства», которое не с чем было сравнить, он проигрывал по всем статьям.

Особенно после появления Лю И даже молодые сотрудники, раньше смотревшие на директора Ли с обожанием, переключили своё внимание на нового начальника. А поскольку Лю И никогда не появлялся в компании девушек, его «алмазный» статус стал ещё более привлекательным для противоположного пола, полностью затмив Ли Цзиня.

Бедный Лю И, будучи чистым «атакующим», свёрнутым в скрепку, конечно, не мог понять конкуренции со стороны натурала, основанной на внимании женщин, и считал откровенную враждебность директора Ли совершенно необоснованной.

Но Лю И всегда был тем, кто на один выпад отвечает десятью.

Так что они скрестили клинки, от конкуренции за финансирование проектов до распределения стажёров, спорили до красноты, а в пылу ссоры и вовсе вскакивали и хлопали по столу, словно вот-вот подерутся.

После нескольких таких случаев весь институт узнал, что начальники патологического отдела и отдела вещественных доказательств несовместимы по восьми иероглифам[1], прирождённые смертельные враги.

Но одно дело — одно. Хоть Лю И и Ли Цзинь в обычное время были как огонь и вода, в деле Су Жуйжуй директор Ли всё же оказал большую помощь, и Лю И не хотел оставаться в долгу. Естественно, нужно было поскорее выбрать подарок и вернуть этот долг.

У Ци Шаньюя почти не было опыта сопровождения кого-либо по магазинам.

Раньше он ходил за покупками с сестрой, но после двух раз та заявила, что у него вкус «смертельного натурала» и «деревенщины», и с тех пор предпочитала ходить с подругами или одноклассницами, не доверяя даже роль носильщика сумок родному старшему брату.

Что касается его бывшего парня, Ли Цзиня, то тот был слишком занят на работе, а в редкие свидания предпочитал показывать его друзьям, а не тратить драгоценное время на шопинг.

Поэтому Ци Шаньюй просто позволил Лю И вести себя за руку, заходя в те магазины, куда тот указывал, и смотря на то, что ему показывали, не высказывая никаких мнений. Если спрашивали, какая вещь лучше, он честно отвечал универсальной фразой:

— Всё хорошо.

После нескольких таких случаев Лю И быстро понял его тактику, усмехнулся и перестал его мучить, просто выбирая вещи по своему вкусу.

Они зашли в мужской бутик, который Лю И часто посещал, и, обойдя несколько рядов с одеждой, подошли к стойке с галстуками.

— Этот и этот, покажите, пожалуйста.

Лю И указал на два галстука: тёмно-синий с широкими белыми полосами и индиговый с узкими бирюзовыми.

С точки зрения Ци Шаньюя, чьё чувство стиля можно было оценить на минус, эти галстуки за четырёхзначную цену, кроме более гладкой и блестящей ткани, почти не отличались от его дешёвых за тридцать-сорок юаней. Что касается оттенков и узоров, вроде тёмно-синего и индиго, широких и узких полос, он вообще не видел разницы.

Стоя рядом с Лю И, он слушал, как продавец активно расхваливает товар, и наблюдал, как Лю И внимательно сравнивает два галстука. Ци Шаньюй молчал, словно красивая манекенщица, размышляя о том, кто же этот «друг», ради которого Лю И тратит столько времени на выбор подарка.

Через десять минут Лю И наконец выбрал тёмно-синий галстук и попросил продавца упаковать его.

— Выбрал?

Ци Шаньюй, видя, что Лю И всё ещё задерживается у прилавка, не удержался от вопроса.

— М-м...

Лю И неопределённо промычал.

На самом деле, он на сто процентов не одобрял того, кому предназначался этот подарок.

Он потратил столько времени на тщательный выбор, во-первых, чтобы Ли Цзинь не усомнился в его вкусе, а во-вторых, чтобы насладиться выражением его лица, когда тот получит дорогой и качественный подарок, который будет жалко выбросить, но придётся использовать.

— Этот зажим для галстука, покажите, пожалуйста.

Он лёгким движением пальца указал на прилавок.

Продавец тут же достала указанный зажим и аккуратно положила его перед ним.

Ци Шаньюй взглянул и увидел, что зажим для галстука довольно простой.

Две параллельные полоски розового золота, одна чуть короче другой, образовывали ступенчатый склон. На более коротком конце был вставлен овальный камень, чуть меньше красной фасоли, полупрозрачного молочного цвета, который при свете переливался радужными отблесками. С его скудными знаниями о драгоценных камнях он не мог определить, что это.

Под зажимом висела бирка с четырёхзначной ценой, равной половине его месячной зарплаты.

Ци Шаньюй молча ахнул, поражённый не только ценой, но и странным чувством лёгкой зависти к тому, кто получит этот подарок от Лю И.

Однако на этот раз Ци Шаньюй действительно ошибался.

Зажим для галстука, который выбрал Лю И, предназначался не Ли Цзиню, а его другу Сюэ Хаофаню, который чуть не стал его парнем.

Камень на зажиме был огненным опалом, который в обычном свете казался полупрозрачным молочным, но при освещении переливался синими и розовыми оттенками, что идеально соответствовало вкусам его друга с ярко выраженной любовью ко всему яркому.

[1] «Несовместимы по восьми иероглифам» — китайское выражение, означающее полную несовместимость людей, например, по гороскопу.

<http://bllate.org/book/16545/1508130>